

Мои воспоминанія и размышленія ¹⁾.

(Посвящается женѣ и дѣтямъ, внукамъ и внучкамъ).

II.

Сочиненіе на медаль на тему „О логическомъ органѣ Аристотеля“.— Заботы объ имущественныхъ дѣлахъ и матеріальныхъ средствахъ.— Мельгуновы.— Львовы.— Интересъ къ политикѣ.— Мысли о февральской революціи 1848 года въ Парижѣ.— Карточная игра.— Супруги Яковлевы.— Холера въ Москвѣ въ 1848 году.— Смерть старшей сестры.— Ея поэтическіе опыты.— Письмо Каткова.— Продажа дома и переѣздъ на частную квартиру.— Смерть матери.

По смерти отца я долго не могъ взяться ни за какое дѣло. По счастью, въ числѣ взятыхъ мною изъ университетской библиотеки книгъ были Шеллинга: *Vermischte Schriften* и въ ихъ числѣ его великолѣпная рѣчь объ отношеніи природы и искусства: это было первое научное произведеніе, которое я тогда взялъ въ руки и не отложилъ тотчасъ же въ сторону, а все болѣе и болѣе имъ увлекался и прочелъ его до конца, а затѣмъ,— чтобы лучше его себѣ усвоить, рѣшился перевести его на русскій языкъ. Этотъ умственный трудъ, требовавшій значительнаго напряженія, но все-таки не самостоятельный, болѣе или менѣе механической, возможный и безъ особаго воодушевленія, оказался мнѣ въ это время подъ силу и былъ для меня въ высшей степени благотворенъ: по мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ, я все болѣе освобождался отъ давившаго меня горя и унынія и къ концу августа, ко времени возобновленія лекцій въ университетѣ, уже почти совсѣмъ пришелъ въ себя.

Первымъ моимъ дѣломъ было навѣстить М. Н. Каткова и подѣлиться съ нимъ моимъ горемъ и рассказать о той нравст-

¹⁾ См. „Русская Старина“ сентябрь 1915 г.

венной помощи, какую мнѣ оказала рѣчь Шеллинга. Онъ принялъ сердечное участіе въ нашемъ горѣ, очень совѣтовалъ не предаваться ему чрезмѣрно и одобрялъ, что я обратился къ такому серьезному и вмѣстѣ доступному труду, какъ переводъ рѣчи Шеллинга. Еще болѣе серьезный и обширный трудъ имѣетъ онъ въ виду предложить мнѣ и всѣмъ моимъ товарищамъ-студентамъ: въ нынѣшнемъ 1847—48 году впервые за все время существованія Московскаго университета тема для соисканія премій студентами должна быть предложена по какому-либо философiи, и вотъ онъ остановился на темѣ „О логическомъ органѣ Аристотеля“, и такъ какъ онъ самъ простудился, не выходилъ изъ дому, и не знаетъ, когда ему можно будетъ выйти и быть въ университетѣ, то онъ просилъ меня отъ его имени объявить всѣмъ студентамъ эту тему и сообщить, какими источниками и пособиями, а также изданіями, они должны пользоваться въ этой работѣ, и при этомъ передалъ мнѣ списокъ всѣхъ этихъ книгъ: „чѣмъ скорѣе послѣдуетъ это объявленіе, тѣмъ будетъ лучше, если возможно даже сегодня“, прибавилъ Михаилъ Никифоровичъ. Не видя въ этомъ никакихъ особыхъ неудобствъ, я охотно взялся за это лестное для меня порученіе и, пріѣхавъ въ тотъ же день въ университетъ, обратился къ нашему субъ-инспектору съ просьбою оповѣстить студентовъ о темѣ, назначенной М. Н. Катковымъ, и о пособияхъ для ея обработки. Д. Е. Зайковскій взглянулъ на этотъ довольно длинный и не очень разборчиво написанный списокъ книгъ, сказалъ, что студентовъ онъ, пожалуй, созоветъ въ большую словесную аудиторію, насколько можно будетъ ихъ собрать, но что провозгласить тему и прочесть списокъ пособій для нея онъ предоставляетъ мнѣ, но что вообще это едва-ли правильный путь, и Михаилу Никифоровичу слѣдовало бы вести это дѣло черезъ факультетъ и черезъ декана. Я исполнилъ данное мнѣ порученіе и самъ тутъ же списалъ для себя заглавія книгъ, то же сдѣлали и нѣкоторые другіе, и въ концѣ концовъ списокъ этотъ былъ возвращенъ Дмитрію Ефимовичу. Я тотчасъ же отправился въ университетскую бібліотеку запасаться этими книгами: многихъ изъ нихъ совсѣмъ въ ней не было, другія были уже взяты, указанное изданіе самого логическаго органа Аристотеля пришлось купить у Дейбнера. Я принялся съ большимъ рвеніемъ за работу; но она плохо спорилась по своей трудности и сухости; но она была мало привлекательна; не выслушавъ даже и полнаго курса логики, мы могли только учиться этому предмету, и притомъ впервые, по великому тво-

ренію Аристотеля, рабски передавая его содержаніе по-русски, и то не безъ большихъ затрудненій, такъ какъ употребительные въ логикѣ соотвѣтственные техническіе термины были намъ мало извѣстны или вовсе неизвѣстны. Притомъ же, такъ какъ работа была на премію, я стѣснялся обращаться къ М. Н. Каткову за разъясненіями, указаніями и наставленіями. Сверхъ того успѣшности моей работы крайне вредило то, что я все время страдалъ бессонницей, приливами крови къ головѣ и къ сердцу и не только на цѣлые дни, но и на цѣлыя недѣли долженъ былъ прерывать работу.

Не мало времени отнимали у меня дѣла семейныя. Отецъ не посвящалъ ни насъ, ни даже маман въ денежные свои дѣла, и только мало по малу разыскивались въ разныхъ потайныхъ ящикахъ его письменнаго стола заемныя письма разныхъ лицъ. За поступленіемъ братьевъ въ военную службу, взысканіе этихъ долговъ или процентовъ по нимъ лежало на мнѣ, и это не всегда было легкое и простое дѣло. Самую крупную и самую исправною должницею была Наталія Алексѣевна Мельгунова, которая безъ всякихъ напоминаній въ срокъ платила проценты; но далеко не всѣ были таковы. Болѣе всего хлопотъ было съ гусаромъ Вороновымъ, котораго усыновилъ старикъ Петръ Петровичъ Ляпуновъ и которому отецъ далъ займы, съ согласія самого старика. Старикъ былъ очень богатъ, но прижимистъ и не любилъ разставаться съ деньгами, а Воронова поймать было не легко: онъ бывалъ въ Москвѣ лишь наѣздами. Пришлось обратиться къ помощи московскаго генераль-губернатора графа Закревскаго, который былъ родственникомъ Мельгуновыхъ и зналъ моихъ родителей и которому я былъ представленъ въ ихъ домѣ. Его патріархальная и произвольная власть на этотъ разъ какъ нельзя лучше пригодилась: онъ призвалъ къ себѣ Ляпунова, обошелся съ нимъ очень ласково, предъявилъ ему собственныя его письма, въ которыхъ онъ проситъ моего отца одолжить деньги его сыну, убѣдилъ его, что такихъ долговъ своего сына онъ не можетъ не признавать и долженъ ихъ уплатить, имѣя вполнѣ достаточныя для того средства, и взялъ съ него расписку, что деньги эти будутъ ему, графу, уплачены въ самый непродолжительный срокъ. Ляпунову онъ тутъ же отдалъ заемное письмо Воронова: дня черезъ два я получилъ эти деньги сполна со всѣми процентами въ канцеляріи генераль-губернатора, и старикъ Ляпуновъ сердился на меня немного за то, что я его, старика, потревожилъ, но хвалилъ графа Закревскаго какъ очень умнаго, тонкаго и обходитель-

наго начальника, а съ нами вообще остался въ добрыхъ отношеніяхъ.

Сверхъ того мнѣ приходилось давать уроки уже не ради удовлетворенія тѣмъ или другимъ прихотямъ или пополненія моей библіотеки, а просто для того, чтобы покрыть всѣ расходы, которые шли на меня лично, и восполнить въ случаѣ надобности денежныя средства семьи. Уроки сейчасъ же нашлись прежде всего почти уже взрослымъ дочерямъ Н. А. Мельгуновой—Софіи Степановнѣ (17-и) и Наталіи Степановнѣ (16 л. отъ роду), которыя хорошо говорили по-французски, постоянно имѣя у себя въ домѣ французскую гувернантку, но образованіе которыхъ по всѣмъ другимъ предметамъ было крайне запущено, такъ какъ мать ихъ, сама впрочемъ образованная особа (рожденная княжна Щербатова), хорошо говорившая и по-французски, и по-нѣмецки и по-англійски, была такого мнѣнія, что для дочерей гораздо важнѣе имѣть хорошіе наряды и хорошее приданое, чѣмъ хорошее образованіе, а главное, постоянно была поглощена имущественными дѣлами, которыя мужъ ея оставилъ очень запутанными, и по безхарактерности никакъ не могла своихъ дѣтей заставить слушаться. Мнѣ было съ ними не мало хлопотъ, особенно съ младшею изъ нихъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ и самому-то шелъ всего 18-ый годъ и что онѣ помнили меня еще совсѣмъ ребенкомъ: урезонивать M-elle Natalie можно было только съ помощью старшей сестры, уже выѣзжавшей въ свѣтъ и весьма разумной—Екатерины Степановны, да и та въ трудныхъ случаяхъ прибѣгала къ какимъ-то таинственнымъ для меня угрозамъ Василисой Даниловной, старшею горничною ихъ матери, очень красивую, высокую и статною дѣвушкой среднихъ лѣтъ, которая, какъ я узналъ потомъ, имѣла огромное вліяніе на свою барыню и была ею употребляема какъ укротительница дѣтей въ тѣхъ случаяхъ, когда уже никакого съ ними не было сладу. А на бѣду M-elle Natalie именно была по временамъ такою, что для нея необходима была укротительница: упрется себѣ и ни слова не отвѣчаетъ ни на одинъ вопросъ, не хочетъ ни писать, ни читать,—словомъ, совсѣмъ не хочетъ учиться. Вотъ тутъ-то приходилось мнѣ обращаться за помощью къ Екатеринѣ Степановнѣ, которая не безъ содѣйствія Василисы Даниловны достигала таки того, что Натали стала мало по малу хорошо и даже охотно учиться. Въ томъ же домѣ внизу съ племянницей Е. А. Мельгуновой, 11 лѣтнею дѣвочкою Екат. Петр. Мельгуновой, бывшей собственно на попеченіи Елизаветы Степановны Левашевой и подъ блажайшимъ руководствомъ Ольги Васильевны

Щепиной, бывшей классной дамы Николаевского сиротскаго института, дѣло шло гораздо лучше и успѣшнѣе: дѣвочка была очень рѣзвая, бойкая, большая шалуныя, но очень способная и вмѣстѣ съ тѣмъ очень богатая сиротка. Тутъ не нужно было никакой таинственной Василисы Даниловны, и я находилъ, что О. В. Щепина уже черезчуръ мало церемонится съ своею воспитанницей и слишкомъ мало стѣсняется мною. Разъ я прихожу на урокъ и вдругъ слышу отъ Ольги Васильевны: „А ваша ученица совсѣмъ отличилась, и я ее высѣкла и очень больно, до крови“. Бѣдная Катринъ вся вспыхнула, а я переконфузился и могъ только пробормотать: „Въ такомъ случаѣ я, быть можетъ, тутъ лишній, и нашъ урокъ сегодня не можетъ состояться“.—Что вы, что вы? Да эдакъ она будетъ каждый день добиваться розгъ, чтобы ей совсѣмъ не учиться.—Нѣтъ, Ольга Васильевна, вы уже черезчуръ строги и несправедливы: Катерина Петровна всегда хорошо у меня училась, и я всегда былъ ею доволенъ.—„Какая она Катерина Петровна: ее надо сѣчь да сѣчь“.—Тогда, перемѣнивъ тонъ, я сказалъ, что мнѣ надобно съ нею переговорить наединѣ: она отослала дѣвочку наверхъ къ ея кузинамъ, а я очень серьезно и очень рѣшительно заявилъ, что если она когда-либо еще будетъ срамить мою ученицу передо мною, то я принужденъ буду отказаться отъ даванія ей уроковъ: она не можетъ еще учиться только для ученія, только изъ одной живой любознательности; для нея чрезвычайно важно, чтобы ея учителя были о ней хорошаго мнѣнія, чтобы своими успѣхами она все болѣе и болѣе выигрывала въ ихъ мнѣніи такъ же, какъ радовала бы свою тетю, да и васъ, свою воспитательницу. Какъ только она почувствуетъ себя совсѣмъ униженной въ глазахъ своихъ учителей, у нея однимъ побужденіемъ хорошо учиться будетъ меньше, и тогда, Богъ вѣсть, какъ пойдетъ ученье. Притомъ же необходимо щадить самолюбіе дѣтей и чувство стыдливости въ дѣвочкѣ. Зачѣмъ выносить соръ изъ избы? Я не отрицаю, что и въ воспитаніи дѣвочекъ могутъ быть такіе случаи, когда и розги могутъ оказаться необходимыми; но какая же надобность возвѣщать о такихъ случаяхъ каждому встрѣчному или вообще постороннему лицу, да еще другого пола“. Ольга Васильевна была хотя не изъ добренькихъ, но несомнѣнно умною особой и въ концѣ концовъ согласилась со мною и обѣщала, что впредь она никогда не будетъ такъ срамить мою ученицу передо мною.

Уроки старшимъ Мельгуновымъ были самые дешевые; уроки ихъ кузинѣ были уже гораздо выгониѣе; но наиболѣе щедрымъ

плательщикомъ былъ Александръ Николаевичъ Львовъ, который рассчитывалъ каждый мой урокъ его сыну Николаю по 4 р. сер., а ихъ было 4 въ недѣлю. Правда, отъ насъ это было цѣлое путешествіе: у нихъ былъ свой домъ блявъ Арбата, на Собачьей площадкѣ, у Спасса на Пескахъ.

Это была вообще очень милая и образованная семья. Она—дочь извѣстнаго члена Государственнаго Совѣта графа Мордвинова. Ему очень хотѣлось, между прочимъ, познакомиться съ М. Н. Катковымъ; но онъ не хотѣлъ къ нему ѣхать первый безъ всякаго повода и просилъ меня привезти къ нимъ Михаила Никифоровича. Какъ это ни было трудно, мнѣ все-таки удалось убѣдить Михаила Никифоровича поѣхать къ нимъ со мною, чтобы посмотрѣть, какъ я учу ихъ Колю русскому языку: это былъ главный предметъ моихъ ему уроковъ. Въ интересахъ моихъ уроковъ и самаго дѣла, онъ принесъ мнѣ эту нелегкую для себя жертву, и будучи настоящимъ знатокомъ славяно-русской филологіи (его магистерская диссертация была: „Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка“), и имѣя нѣкоторую опытность въ домашнемъ преподаваніи русскаго языка, просидѣвъ слишкомъ часъ на моемъ урокѣ, онъ далъ мнѣ потомъ не мало полезныхъ совѣтовъ, какъ успѣшнѣе вести эти занятія. Конецъ вечера мы провели очень пріятно въ семьѣ Львовыхъ, старшая дочь которыхъ Марія Александровна была уже помолвлена въ то время за князя Голицына-Прозоровскаго.

Многое и другое отвлекало меня отъ работы надъ логическимъ органомъ Аристотеля и вредило успѣшному ея ходу. Хотя я и неисправно вообще посѣщалъ въ этомъ году университетъ, а въ декабрѣ 1847 г. и вовсе пересталъ посѣщать его, тѣмъ не менѣе я настолько втянулся въ чтеніе иностранныхъ газетъ, что чуть не каждый день ходилъ для этого въ кондитерскую Педотти, пока не нашелъ нѣсколько ближе къ намъ равносильной ей во всѣхъ отношеніяхъ кондитерской Gramblay (на Большой Лубянкѣ). А между тѣмъ событія съ каждымъ днемъ становились интереснѣе, пока наконецъ накопившаяся гроза не разразилась февральскою революціей въ Парижѣ и мартовскими потрясеніями въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Я очень внимательно слѣдилъ за всѣми этими событіями по иностраннымъ газетамъ, которыя впрочемъ въ это время очень часто запрещались или же появлялись обезображенныя нашею цензурою съ большими вырѣзками или же съ цѣлыми столбцами, покрытыми черною типографскою краской.

Тѣмъ не менѣе по нимъ все-таки можно было составить себѣ

нѣкоторое приблизительно вѣрное понятіе объ общемъ ходѣ дѣлъ и объ ихъ положеніи въ данное время. Мнѣ пришлось изложить результаты этого моего чтенія въ длинномъ письмѣ къ братьямъ въ полкъ, такъ какъ ихъ и ихъ сослуживцевъ естественно болѣе всѣхъ интересовалъ вопросъ, будетъ ли у насъ война, когда и съ кѣмъ, а походъ на весну 1848 г. къ западнымъ границамъ былъ уже имъ объявленъ. Письмо это отъ 15 марта 1848 г. сохранилось у меня до сихъ поръ. Фактическихъ погрѣшностей оно заключаетъ въ себѣ не много. О государственномъ строѣ вообще, а Франціи въ пору іюльской монархіи въ особенности, я имѣлъ очень смутное и сбивчивое понятіе.

Что касается до оцѣнки событій, то нельзя не принять во вниманіе, что мнѣ не было еще 18-ти лѣтъ отъ роду въ ту пору, что это были первыя крупныя историческія событія, о которыхъ я читалъ и которыя я душевно переживалъ какъ современникъ, значеніе которыхъ поэтому уже не могло не представляться мнѣ въ сильно преувеличенномъ видѣ и что въ ту пору жизни всему вѣрится, всѣмъ восхищаешься, въ чемъ только проявляются великодушныя стремленія къ общему благу, добру, правдѣ и истинѣ и что только соприкасается съ идеями свободы, равенства и братства, и слова, проникнутыя этими идеями, принимаются за дѣла. Такимъ образомъ, по моимъ тогдашнимъ воззрѣніямъ, это былъ „громадный переворотъ, совершившійся въ продолженіе одного только мѣсяца, но подготовленный цѣлыми вѣками, всѣмъ прошедшимъ, и не одной только Франціи, но и цѣлой Европы,—переворотъ, который вызвалъ наружу всѣ сокровенныя стремленія современнаго человѣчества, всѣ недоразумѣнія, сомнѣнія, вопросы, которые могли возникнуть при настоящемъ порядкѣ вещей, и который непременно поведетъ къ полному ихъ рѣшенію... Временное правительство вмѣстѣ съ народомъ провозгласило во Франціи республику съ началами ея *liberté, égalité* и *fraternité*, и этимъ началамъ Ламартинъ всѣми силами своей души стремится дать настоящее господство. Вообще поэтъ Ламартинъ играетъ главную роль: его энергія для водворенія порядка безпримѣрна; 60 часовъ сряду, не покидая *Hôtel de Ville*, онъ работалъ и къ тому же убѣдилъ своихъ коллегъ. Ратуша, въ которой засѣдаетъ временное правительство, постоянно окружена массами народа, которыя не совсѣмъ довѣряютъ правительству, ими же самими избранному, и нерѣдко обнаруживаютъ свою къ нему враждебность; но Ламартинъ своими рѣчами (онъ ихъ

сказалъ 100) всѣхъ успокоилъ... Вся Франція признала республику. Временное правительство и, по убѣжденіямъ его, и народъ руководствуются самыми человеколюбивыми и въ то же время либеральными идеями. Оно уже уничтожило смертную казнь для политическихъ преступниковъ; оно усыновило себѣ всѣхъ бѣдныхъ; оно печется объ улучшеніи судьбы рабочихъ: для нихъ уменьшено уже число рабочихъ часовъ въ день съ 12 на 10, для нихъ назначена комиссія подъ предѣтельствомъ Louis Blanc и Albert (ouvrier), которая отнынѣ, совѣщаясь съ рабочими, будетъ охранять ихъ права... Переворотъ, совершившійся во Франціи, произвелъ неслыханное, просто френетическое волненіе во всей Европѣ... Вездѣ требуютъ реформъ, свободныхъ учрежденій, свободы политическихъ соборій, народнаго самоуправленія. Нѣтъ ни одного уголка во всей Европѣ (конечно, кромѣ благоденствующей Русской имперіи), куда бы не проникло это движеніе: вездѣ народъ въ разладѣ съ королями... Теперь все шатко, все поставлено въ вопросъ: никто не поручится, что весь прежній порядокъ не рухнетъ. Поддержать его можетъ одна Россія... Всѣ правительства Европы (ничего не знаю о Россіи) объявили, что не вмѣшаются во внутреннія дѣла Франціи, да имъ и некогда... Во Франціи и народъ, и правительство, повидимому, раздѣлены на 2 партіи: одна желала бы силою дать господство республиканскимъ началамъ во всей Европѣ и начать наступательную войну (которая, впрочемъ, при настоящемъ положеніи Франціи, особенно по состоянію ея финансовъ, и невозможна), а другая, и во главѣ ея Ламартинъ, желаетъ сохраненія европейскаго мира и началами всей внѣшней политики (какъ то видно изъ прокламацій и циркуляра, разосланнаго Ламартиномъ ко всѣмъ посламъ и посланникамъ Франціи) признаетъ: 1) братство между всѣми народами; 2) помогать всѣмъ слабымъ народамъ, которые стремятся завоевать себѣ свободу или національную независимость; помогать всякому свободному движенію, не производя народныхъ возстаній; 3) не объявлять наступательной войны и удерживаться отъ завоеваній для блага республики, которая не устоитъ при войнѣ, поражающей военный деспотизмъ и диктатуру полководца; но Франція съ радостью приметъ всякій вызовъ на войну, которая несомнѣнно ее прославитъ; 4) Франція не признаетъ Вѣнскихъ трактатовъ 1815 г., поддерживающихъ настоящій порядокъ вещей и направленныхъ противъ политической свободы и національной независимости народовъ“.

Если бы дѣйствительно таковы были начала внѣшней политики французскаго правительства и его представителя въ этомъ отношеніи Ламартина, то о немъ, конечно, нельзя было бы сказать, что оно желаетъ сохраненія европейскаго мира, а напротивъ, что оно желаетъ всеобщей войны: въ данномъ случаѣ различнаго рода прокламаціи и рѣчи, обращенныя къ народнымъ массамъ въ Парижѣ, мною были смѣшаны съ такими правительственными актами, какъ циркуляръ Ламартина или его воззваніе (манифестъ) къ Европѣ отъ 3-го марта 1848 г., дѣйствительно проникнутое миролюбіемъ и направленное къ тому, чтобы разсѣять опасенія Европы на счетъ политики воинственныхъ приключеній и политики революціонной пропаганды со стороны французской республики,—опасенія, которыя могли возбудить прокламаціи, предназначенныя для народной парижской толпы, и воззванія своихъ и чужихъ анархистовъ и коммунистовъ, нагрянувшихъ въ это время отовсюду въ Парижъ. Впрочемъ, я и самъ чувствовалъ, что въ выставленныхъ мною началахъ внѣшней политики, которыя я приписывалъ Ламартину, очень мало миролюбія, и потому вслѣдъ за ихъ вычисленіемъ я прибавилъ: „Изъ всего этого и изъ всѣхъ обстоятельствъ видно, что миръ Европы виситъ на волоскѣ: вездѣ стремленіе къ свободѣ и къ независимости, а этимъ стремленіямъ Франція вызывается помогать. Запутаннѣе и опаснѣе всего положеніе Австрійской имперіи, которая поглотила въ себѣ совершенно чуждыя ей національности, а именно: славянъ, которыхъ $\frac{5}{7}$ въ цѣломъ населеніи имперіи и которые волнуются и стремятся къ независимости; итальянцевъ въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, которые, во всей Италіи видя независимость и свободныя учрежденія (въ нынѣшнемъ году огромныя реформы совершились въ Италіи), сильно возстаютъ противъ зависимости отъ Австріи, опредѣленной Унѣнскимъ трактатомъ, и противъ притѣсненій: для подавленія этихъ возстаній, которыя находятъ сочувствіе даже въ венгерскихъ подданныхъ Австріи, въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ уже теперь до 150 т. австрійскаго войска. Австрійскій императоръ нисколько не хочетъ уступать духу времени, хотя и заявилъ, что не станетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, но въ то же время объявилъ, что всякое возстаніе въ нѣдрахъ имперіи усмирить силою. А эти возстанія то и дѣло возгораются то въ Богеміи, то въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, и въ случаѣ усмиренія ихъ силою будутъ поддержаны Франціей, да чуть-ли не цѣлой Европой (!!!) Что выйдетъ изъ всѣхъ

этихъ обстоятельствъ и изъ политики австрійцевъ? Трудно, если не вовсе невозможно, идти противъ духа времени; тяжело также и уступать ему: дѣло идетъ о существованіи австрійской имперіи, нашей союзницы. Выводите сами заключеніе изъ всего этого; предвидьте въ будущемъ все, что угодно; но лучше всего одинъ разъ навсегда и во всемъ положиться на „Провидѣніе Божіе“. Упомянувъ о тяжелой болѣзни шатап и о томъ горѣ, въ какое она насъ повергаетъ, я прибавилъ: „Но мы должны быть тверды, должны быть приготовлены на все, потому что все можетъ случиться. Можетъ быть, никогда я столько не вѣрилъ Божію Промыслу и Всемогуществу, какъ въ теперешнее смутное для всѣхъ время“.

Сочувствіе мое несомнѣно было на сторонѣ народовъ, ищущихъ свободы и національной независимости; но нельзя сказать, чтобы сочувствіе это было несдержанное и необузданное. Оно соединялось съ большимъ сочувствіемъ и уваженіемъ къ такому дѣятелю изъ противоположнаго лагеря, какъ Гизо. Я говорю о немъ, какъ о человѣкѣ „съ превосходными дарованіями, необыкновеннаго ума, необыкновенно твердаго и ровнаго характера“, искусномъ правителѣ, глубоко и ясно понимавшемъ дѣло и въ то же время первомъ историкѣ нашего времени. Но онъ слишкомъ мощно и произвольно управлялъ Франціей, и противъ него составила сильная оппозиція съ Тьеромъ и Одилономъ Барро во главѣ. Несмотря на всѣ обвиненія и нападки оппозиціи, на всѣ усилія уличить его въ участіи въ скандальныхъ исторіяхъ, онъ стоялъ твердо, не унижаясь до оправданій, безстрастно выслушивая всѣ клеветы и злословія противъ него самого и оправдывая только свой политическій образъ мыслей и дѣйствій: онъ вышелъ чистъ изъ всѣхъ грязныхъ исторій, которыми хотѣла запутать его оппозиція и въ которыхъ онъ не былъ виновенъ. Чѣмъ яростнѣе нападали на него оппозиція, тѣмъ равнодушнѣе и спокойнѣе защищался Гизо“.

При всей незрѣлости тогдашнихъ политическихъ моихъ сужденій нельзя имъ отказать въ нѣкоторомъ безпристрастіи и въ довольно вѣрномъ пониманіи общаго положенія Европы въ то время. Запутанное положеніе Австріи въ самомъ дѣлѣ прежде всего повело къ войнамъ: въ Италіи (мартъ—августъ 1848 г., 20—26 марта 1849 г. и май—іюль 1859 г.), въ Венгріи (русскія войска въ Венгріи май—августъ 1849 г.) и послѣ ограбленія Даніи Австріей совмѣстно съ Пруссіей въ 1864 г., къ прусско-австрійской войнѣ 1866 г., за которою послѣдовалъ

разгромъ Франціи Германіей въ 1870 и 71 г.г., допущенный Россіей за участіе Франціи заодно съ Турціей, Англійей и Сардиніей въ восточной (Крымской) проти въ нея кампаніи (1853—56 г.г.), и сильную поддержку Франціей заодно съ Англійей польскаго противъ Россіи мятежа 1863 г., при чемъ только Турецкой войной 1877 и 1878 г. были окончательно устранены пагубныя для Россіи послѣдствія Крымской кампаніи и возстановлено ея значеніе на Балканскомъ полуостровѣ.

Письмо это я прочиталъ шапап и Наденькѣ, и не могу сказать, чтобъ онѣ съ одобреніемъ отнеслись къ самой мысли писать и отправить такое письмо въ полкъ братьямъ: особенно шапап опасалась, какъ бы письмо это не повредило имъ и не было истолковано въ худую сторону, попавшись въ руки какого-нибудь недоброжелательнаго начальника: съ русскими нижними чинами, каковы юнкера, да и съ самими офицерами, о революціонныхъ движеніяхъ можно-де безопасно говорить, только порицая ихъ и обличая ихъ безуміе и нечестіе. И шапап была совершенно права: наибольшая политическая моя незрѣлость заключалась именно въ томъ, что я не только написалъ, но и послалъ (впрочемъ не по почтѣ, а съ оказіей), подобное письмо къ братьямъ въ полкъ. Этимъ я несомнѣнно могъ бы надѣлать не мало бѣдъ и имъ, и себѣ. По счастью на этотъ разъ письмо мое попало въ руки къ доброжелательному и разумному начальнику дивизіона, и онъ, прочитавъ, возвратилъ его братьямъ, никому о немъ не сказавъ ни слова, и только посовѣтовалъ имъ спрятать его какъ можно подалше въ своемъ чемоданѣ, никому изъ него не сообщать ничего и при первомъ свиданіи возвратить его мнѣ съ просьбою никогда ничего подобнаго впредь не писать имъ въ полкъ.

А. Георгіевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

